

11. *Аузинь Имант*. На границах жанров. Современная поэма и родственные ей жанры советской драматургии. – Казань, 1966. – С. 24–25.
12. *Богданов А.Н.* Жанры советской драматургии. – Казань, 1966. – С. 24–25.
13. *Жаков А.Г.* Современная советская поэма. – Мн., 1981. – С. 10.
14. *Быков Л.Н.* Драматическая поэма в советской литературе первой половины 30-х годов // Проблемы стиля и жанра в советской литературе. Вып. 7. – Свердловск, 1974. – С. 31.
15. *Швецова Л.* Современная советская поэма. 1950–1970 гг. – М., 1984. – С. 15.
16. *Киканс В.П.* Современная советская поэма. – Рига, 1982. – С. 73.
17. ЭліМ Беларусі. Т.2. – Мн., 1985. – С. 355.
18. *Лурье А.* Поэма в пути // В середине семидесятых. Литература наших дней. – Лениздат, 1977. – С. 310.
19. *Александров А.А.* Русская советская поэма 30-х годов (Типология жанра). – Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М.: ИРЛИ, 1969.
20. *Быков Л.Н.* Жанровое развитие русской советской поэмы 1929 – 1936 гг. – Дис. ... канд. филолог. наук. – М.: МГУ, 1977.
21. *Волкова Т.С.* Современная поэма 1965–1973 гг. (к вопросу о типологии жанра). Дис. ... канд. филолог. наук. – М.: МГУ, 1977. – С. 165.
22. *Адамовіч А.М.* Беларускі раман. – Мн., 1961. – С. 153.
23. *Числов М.* Время зрелости – пора поэмы. – М., 1982. – С. 79.
24. *Беланюк А.Г.* Художественная структура драматической поэмы *П.Г. Антокольского*. – Дис. ... канд. филолог. наук. – Калинин, 1973. – С. 17.
25. *Горький М.* О литературе. – М., 1961. – С. 370.
26. *Аникст А.А.* Теория драмы от Гегеля до Маркса. – М., 1983. – С. 14.
27. *Горбунова Е.* Идем. Конфликты. Характеры. – М., 1960. – С. 51.
28. *Васильковский А.Т.* Жанровые разновидности советской поэмы (1917–1941 гг.). – Киев, 1979. – С. 180.
29. *Лазарук М.* Часу не падуладная. – Мн., 1981. – С. 77.

УДК 882.6(091)

Ян Чечёт и Витебщина

А.В. Русецкий, Ю.А. Русецкий

Так уж сложилось, что в истории белорусской художественной культуры имя **Яна-Антония Тадеушевича Чечёта (1796–1847)** чаще всего связывают с Нёманским краем. Действительно, известный белорусский поэт, фольклорист и этнограф Ян Чечёт* здесь родился (в деревне Малюшицы Новогрудского повета); отсюда в 1815 г. ушел на

* В.И. Мархель, к примеру, считает, что «по призванию он был поэтом, по творческим интересам верх брал фольклорист».

учебу в Вилспский университет; сюда же в 1841 г. возвратился после отбытия ссылки за участие в деятельности общества филаретов; здесь в 1841–1847 гг. продолжал изучать фольклор, собирать и обрабатывать белорусские народные песни; наконец, здесь же завершил свой жизненный путь (умер 11 августа 1847 г. в Друскениках и похоронен недалеко от них в д. Ротница Гродненской губернии). Однако при этом почему-то редко упоминается тот факт, что становление Я. Чечёта как фольклориста связано с его жизнью на Витебщине, где с 1833 по 1841 год он жил в Лепеле (к этому времени местечко Лепель являлось уездным городом и даже имело 4-классное дворянское училище. – А.Р., Ю.Р.). Даже в таком многоплановом очерке К. Цвирки «Там возера Свіцязь, як шыбіна лёду...» записано всего несколько строк: «В Лепеле несчастливого изгнанника устроили в управление системы Березинского канала, где директором был сын тверского губернатора (До возвращения на Беларусь А. Чечёт находился в ссылке в Твери. – А.Р., Ю.Р.). В Лепеле Я. Чечёт работал секретарем канцелярии инженерного управления Березинского канала и здесь же развернул активнейшую деятельность по сбору песенных сокровищ белорусского народа...»

Мы подчеркиваем, что именно из Лепеля в Виленское издательство Завадского уходили рукописи первых трех сборников белорусских народных песен, собранных Я. Чечётом и изданных в его переводе на польском языке: «Деревенские песенки из-над Нёмана» (1837)^{*}, «Деревенские песенки из-над Нёмана и Двинь» (1839, 94 песни наддвинские), «Деревенские песенки из-над Двинь» (1840, всего 100 песен – все наддвинские).

Именно о первых трех сборниках песен основатель журнала «Rubop» («Рубон») поэт и фольклорист И. Храповицкий в 1845 г. однозначно высказался: «Уважаемый переводчик изданных несколько лет назад у Завадских «Песенок люда из-над Двинь» показал пример, призванный найти последователей. Его небольшой томик производит самое приятное впечатление на тех, кому не чужда эта земля, так хорошо в нем отраженная, что ни одна звуковая описательная поэма не может сравниться с этим скромным сборником песен, обуждающим в сердцах читателя самые дружественные чувства к нашим бедным крестьянам».

Сам же Я. Чечёт, обращаясь к «Крестьянам из-над Нёмана и Двинь», в стихотворении-посвящении (напечатано в третьем сборнике «Деревенских песен»), признается:

Калі ж вы чытаць ужо будзеце, брацця?
 Вы ўведалі б з Божае ласкі,
 Што вам неслі шчыра мы гэта багацце –
 Ніў вашых калоссе і краскі.
 Я з сэрцам удзячным дар шчодры во гэты
 Кладу перад вамі мрою:
 Калі да вас блісне промень асветы,
 Вы возьмеце дар мой з сабою.
 А сёння хай знаюць вяльможныя людзі,
 Хто працай узнёс іх у свеце.

^{*} Этот сборник Я. Чечёт послал в Париж А. Мицкевичу, который «читал его с волнением в минуты одиночества и ностальгии».

Уклаў Бог адны нам пачуцці ў грудзі,
Мы ўсе – адной мацеры дзеці.

(Перевод К. Цвирки).

В одном из писем из Лепеля к Марии Верещако (позже Путкамеровой) Я. Чечёт писал: «Я еще, как лебедь перед своей любовью, думаю выступить с этими деревенскими песнями, хочу этим ненадежным и часто бесславным способом заработать кусок хлеба в надежде некоторое время быть свободным от этой безобразной (агіднай) службы».

Да и в трех оставшихся сборниках (Всего Я. Чечётом издано 6 фольклорных сборников. – А.Р., Ю.Р.) материалы, собранные в Подвинье, занимают значительное место. К примеру, в названии шестого сборника «Деревенские песенки из-под Нёмана и Двины, некоторые поговорки на славяно-кривичском языке и его самобытные слова, с наблюдениями над этим языком» (издан в 1846 г.) содержатся прямые указания на принадлежность публикуемых материалов к Подвинско-Поозерскому региону. Я. Чечёт в предисловии к «Сборнику народных песен 1846 г.» отмечает: «Может, в далеком будущем у кого-либо появится интерес узнать, не поют ли в тех же самых местах те же самые песни; то пусть ему будет известно, что местом собирания переведенных мною 126 песен, напечатанных в первой и второй книжках (выше мы называли эти сборники – А.Р., Ю.Р.), являются почти исключительно стоки недалеко от Нёмана ..., некоторые из этого числа происходят также из Белицы, Новогородович и Еленки (деревни Новогрудского повета Гродненской губернии – А.Р., Ю.Р.)^{*}. 194 песни из-над Двины, напечатанные во второй и третьей книжечках, происходят из Лепеля, Жерцениц, Комаровщины, Казимилова, Городенца, Завидич, Быхова, Поселевинского Заболотья и второго, называемого Мнишечским, Заозерья, Воронья, Бабынич, все это из Лепельского повета...» «Раньше я считал, – писал Я. Чечёт в 1840 г., – что даже на небольшом расстоянии в деревнях бытуют отличительные крестьянские песенки. Однако, собирая их дальше, я убедился, что даже при большом расстоянии они очень похожи или отличаются только небольшими заменами отдельных слов. Нёман и Белица от Двины, Березины и окрестностей Лепельских не близко находятся, а песни похожие, также как похожие из-над Вилии. Кто же их преносил? Не книги и журналы, а память, сердца и уста братских племён».

Всего Я. Чечёт собрал и опубликовал около 1000 славянских песен (несколько песен происходят из Нижнего Поднепровья, Львова и других белорусских и украин-

^{*} О том, что собранные над Нёманом песни могли отличаться от аутентичных, свидетельствует письмо Я. Чечёта Юзефе Домейко (жене студенческого друга Я. Чечёта Адама Домейки. – А.Р., Ю.Р.): «Имел в своих руках сборничек бортничих деревенских песен, очень хороший и хорошо сложенный, отдельно были собраны песни весенние, отдельно дожинковые, купальские и т.д. Случайно потерял тот сборничек и хотел бы компенсировать эту потерю. Простонародные песни, мало кем слышанные и зафиксированные, очень красивые и чудесные. Бортнические были чрезвычайными... Прошу только настойчиво сохранить в записях народных песен произношение деревенских слов, а также всегда спрашивать и записывать, когда и при каких обрядах или гульбищах поют эту песенку». Конкретной даты написания письма нет. На наш взгляд, оно датировано не ранее 1833 г. (время приезда Я. Чечёта на Лепельщину) и не позже 1836 г. – начала 1837 г. – в это время Я. Чечёт завершал работу над рукописью первого сборника, в который вошли и песни, восстановленные Ю. Домейко.

ских территорий). Подытоживая свою работу, он писал, что 400 с лишним песен собраны над Неманом и 557 – над Двиной (выделено нами – А.Р., Ю.Р.). Следует отметить, что после сборов песен З. Доленго-Ходаковского – это наиболее ранние в таком объеме фиксации устного (песенного) народного творчества белорусов. И записаны они непосредственно от информаторов, а не заимствованы из печатных источников. Подчеркнем и такую особенность: если в сборе надднепровских, надднестровских и наднеманских песен Я. Чечёт пусть и в назывном порядке, называет своих адресатов – «простой солдат», «уважаемый ксёндз», указывает переводы из напечатанных во Львове первоисточников, то в лепельский период его творчества такие адресаты не указываются. Значит, на Лепельщине он постоянно работал со своими корреспондентами, постоянно редактируя представляемые ими записи. В предисловии к «Крестьянским песенкам из-над Двины» (1840) автор свидетельствует, что он «позволил себе опустить несчастную водку и заменить её на мёд и пиво, которые крестьянам «почти неизвестные» и «не слишком придерживался оригинала; некоторые песни перевел дословно; другим более или менее близко подражал». В контексте этих суждений заслуживают внимания правки, в рукописных сборниках сделанные рукой Я. Чечёта (о них разговор пойдет чуть ниже. – А.Р., Ю.Р.), в которых слова с ярко выраженными чертами северо-восточных белорусских говоров наделены чертами юго-западных белорусских говоров, представителем которых является Чечёт. Эти правки, сделанные, видимо, с целью унификации норм народного языка, попали в печатный сборник. Так, например, “scidzionaja rasa” в рукописи переделана на “ściudzionaja rasa”, “barom ici” – на “borom ici”; “zydaiz” – “zydajesz”, “świat zbudzisz” – на “świat zbudziesz” и пр., а также “liciac ptaszyczki na try stadyczki” изменено на “leciac ptuszczyki na try stadeczki”, “dziewaczki sieli” – на “dzieweczki sieli”, “ciras sienaczki” – на “cieraz sieneczki” и т.д.

Фактически на Лепельской земле у Я. Чечёта сложилось понимание сущности народного творчества и отношения к его главному носителю – сельскому люду. В предисловии к своему первому сборнику (1837) он формулирует свою позицию следующим образом: «Крестьяне наши, люд хороший, уважительный, трудолюбивый, справедливый, должны пробуждать у нас самые привлекательные к себе чувства. С ними можем быть счастливые. За труд их рук, отдавая их труд разуму и нашему просвещению, можем умножить общее добро. Не думайте, что от них мы ничему не можем научиться. Многому обучимся, изучая их состояние и нравы; обнаружим у них преданья, сказки, легенды, и самой богатой будет жатва песенок, позволяющих познать их ласковые, красивые, тонкие даже и глубокие чувства... Если внимательно будем слушать свадебные, дожинковые, купальные и другие песни, то не раз приятно насладимся и, что важнее, приобретем большее удовлетворение от наших добрых землелашцев».

В одном из своих предисловий Я. Чечёт в этом плане высказывается более определенно: «Не буду искать легких доказательств, чтобы показать важность и значимость моих уважаемых Авторов, песни которых я перевожу; но сам этот труд будет для чувственных душ их несомненной, надеюсь, похвалой и приятными словами. Им также, как важным владетелям своего творения, я посвящаю это милое мое увлечение, полное святой надеждой, что в каждой благородной душе она разбудит настоящую христианскую любовь к моим любимым авторам мужичкам».

Особенной ценностью для исследователей творчества Я. Чечёта являются его пометки, правки, замечания на текстах многих песен, а также предисловия и комментарии к изданным песенным сборникам. Именно они позволяют понять взгляды автора на белорусскую литературу и фольклор, на роль искусства в жизни общества. Однако, считает А.И. Мальдис, оказавшись под влиянием рационалистической «литературы идей», Я. Чечёт исповедует заданность творчества и его подчеркнутую дидактичность. А именно: посредством привлечения внимания господствующих классов и образованной публики к богатству белорусского народного творчества, стремился показать, что именно в нем таится содержательность духовной жизни крестьян, эстетическая наполненность и моральная завершенность народных традиций и обрядов. Обосновывая в таком плане значимость своего труда, Я. Чечёт в предисловиях к сборнику 1840 г. публикует обращения-посвящения «Благодетельным господам и управляющим их имений, заботящимся о благе крестьян» и «Добрым и верующим в бога паничам и панночкам». В этом же предисловии стихотворением под названием «Любимым мужичкам из-над Нёмана и Двины» Я. Чечёт пафосно восклицает: «Когда же вы, братья, будете читать, если будете знать, что мы вам несли колосья и цветы, взятые с вашего зернового поля?»

Что касается прогрессивной российской общественности, то фольклористично-версификаторская работа Я. Чечёта получила у нее высокую оценку. В «Tygodniku Petersburskim» (1838, № 32) отмечалось: «это перевод народных песен (речь шла о «Крестьянских песенках...» 1837 г. – А.Р., Ю.Р.), которые поются на белорусском языке литовским людом, и выполнен он мастерски»; «Biblioteka Warszawska» («Библиотека Варшавская», 1841, т. 1) в рецензии на третий том «Крестьянских песенок...» (1840) отметила: «...Однако собрание это имеет большую ценность. В нем письменный язык близко приближается к языку народа. Стих метрический, в ритме народного стиха. Выражения легкие. Песни в такой одежке всегда позволяют узнать степень умственных склонностей и чувств народа, они тем полезны, что доступны широкому кругу читателей. Чтобы сбор этот полностью соответствовал своей цели, следовало бы издать еще текст оригинальных песенок».

Пожелание было воспринято как руководство к действию – в последующие годы Я. Чечёт издал три сборника народных песен.

О том, что именно «кривичская» Полотчина сформировала у будущего поэта и фольклориста научные подходы к пониманию роли языка фольклора, народного музыкального творчества, свидетельствует предисловие к сборнику песен 1846 г. «Скромные наблюдения», беседы, записи бесед Я. Чечёта с населением Лепельщины, осмысленные и оформленные им в виде научной статьи, заслуживают того, чтобы по истечении 160 лет познакомить с ними нашего современника. Еще раз сошлемся на самого Я. Чечёта, видевшего в надвинских обрядовых песнях аутентичные элементы языка, нравов и обычаев кривичан. Анализируя собранные 557 песен над Двиной, он пишет: «Сужу о влиянии польского, российского и украинского языков на кривицкий. Можно было бы сказать, что это влияние большее на диалект Наднёманский, чем на Надвинский. И действительно, надвинский край не имеет постоянного квартирования войск и он больше удален от Мазовши и Украины, чем Наднёманский. В Новогрудском крае хлопцы с охотой перенимают русские песни от солдат, и ими уже оглашаются поля, как

например, в Щорсах от едущих на ночлег с лошадьми, а иногда слышатся они в устах женщин, которые также, переделав какую-нибудь по-своему, переносят в деревню польскую песню. Поэтому-то в этом небольшом сборнике я поместил больше песен обрядовых, жнивных и даже несколько таких, которые поются над детской колыбелью, т.к. они несомненно местные».

Не цитируя всю статью (тем более автор самокритично заметил, что он не может дать «некий грамматическо-исторический очерк этого языка»), мы лишь обратим внимание на те особенности славяно-кривичского языка, которые относятся к Подвинью и Поозерью. Сам же Я. Чечёт, не подчеркивая свое авторское отношение к Придвинью-Поозерью, выделяет в сборнике такие разделы: 1. Словарь «кривичских» выражений, встречающихся в песнях. 2. Некоторые «идиоматизмы кривичские» в их значении на Новогрудчине, в сравнении с другими диалектами. 3. «Полезные для этимологов замечания». 4. О подобии славянских языков с санскритом. 5. «Кривичские» причастия и др. «Фундаментальные размышления над этим языком, – пишет Я. Чечёт, – приводят к выводу, что «кривичский диалект – промежуточный между польским, русским и украинским». И формирует далее свое отношение к проблеме.

Первое, на что обращает внимание Я. Чечёт, это необходимость уважительного отношения к белорусскому языку, который польские исследователи (например, автор шеститомного «Словаря польского языка» С.Б. Липде) определяют, как диалектизмы или «поветовщина». «Возможно, что кривичские самобытные слова, пишет Я. Чечёт, если их собрать много, выявили бы также определенное подобие к санскриту, а некоторые красивые слова, введенные в польский язык, обогатили бы без вреда его богатство...»

Говоря о диалекте (семантический анализ, фонетические особенности), Я. Чечёт отмечает, что кривичский язык, по строению своему и длине гласных, ближе к русскому, «...по если украинец скажет «будэ», русский – «будет», то кривичанин скажет «будзе», более похожее на польское "będzie". Однако он не скажет, как украинец: «ходылам», «ходылась», «ходыла», но «я», «ты», «она ходила», ибо во всех падежах, временах и лицах спряжение глагола кривичский язык не имеет подобных личных окончаний...»

Третья позиция, на которую обращает внимание Я. Чечёт: если "dz", присущее полякам, воспринимается и кривичами (белорусское «дзеканье»), то «л» у них не в почете. И поэтому «во многих случаях вместо «л» кривичане произносят звук «ў», соединяя его со следующим или предыдущим гласным, отчего создаются неоспоримые дифтонги «аў», «еў», «оў», «іў», «уў», к примеру, «даў», «еў», «пайшоў», «любіў», «бліснуў». И даже в заимствованных из других языков словах («жаўнер» от польского "żołnierz", «хаўтуры» от литовского "chalturej", «наемнік» от немецкого "der Söldner", «каўнер» от итальянского "kolnierz", «аўтар» – "oltarz" (от латинского "altare") и др.) они везде заменили «л» на «ў». И только в глаголах, в окончаниях женского и ничейного рода, «л» получило свое звучание – «я была», «оно было».

Теперь об употреблении «у» вместо «в», которое в кривичском языке повсеместно выступает в качестве предлога и в зависимости от словесного оборота соединяется со следующим звуком (чаще с гласным) или произносится – «у дварэ» и «у селе» или «ў дварэ», «ў селе». Так что, по Я. Чечёту, «это «ў» можно признавать по желанию или гласным, или согласным, или также, если соединяется в словах с другими гласными, –

дифтонгом». Звук «в», забытый в предлоге, появляется иногда как придыхание в словах, начинающихся с гласных, хотя в них, чаще всего отбрасывается, к примеру, «воко и око», «вакно и окно», «восень и осень», «вулиця и улица», «востры и острый» и т.д.

Кривичане не имеют в своем алфавите, как это первоначально было во всех славянских диалектах, звуков “f”, “g”. Но если должны их произносить в заимствованных словах, то вместо “f” произносится “ch” или «р», а вместо “g” – “h”. К примеру, по Я. Чечёту: “Хвалісь – Felis”, “хваліварок – folwarek”, “пранцус – Francuz”, “грап – graf”, “хвігура – figura”, “каптан – kaftan” и т.д. Но легче дается произношение “g”, ибо говорят: “Gabruś”, но не “Hauguś”, “ganeczek”, но не “haneczek” и т.п.

Небольшое, но интересное замечание А. Чечёта. В кривичском языке в собственных словах «рэ» произносится с легкостью. Однако, в произношении заимствованных слов встречаются определенные трудности. К примеру, «левизор» вместо “rewizor”, «некрут» вместо “rekrut”, «алендар» вместо “aređarz”.

Я. Чечёт подчеркивает, что кривичские диалекты не используют “а” и “ё”, а употребляют простые «а» и «е» и в изменении окончаний то, что «мы коротко и красиво передаем этими носовыми (как в польском языке), гласными, произносимыми через «аць», «аю», «ею», «уць», «ую» или похожие. К примеру, «баляць» – bola, сваю – swoję, волею – wola, будуць – beđa” и т.п.

У кривичей, по Я. Чечёту, очень мало слов начинается с «о» и «э». К примеру, «ока, обух, озеро, обруць (uzdeczka), огур (leniwiec), осень». Но вместо «о» всегда произносится «а» – “агонь – ogień, асьміна – ośmina” и т.п. С буквы «э» чаще всего начинаются заимствованные слова – (к примеру, Эльжбета, эконом).

В отличие от наднеманских диалектов, где употребляются одновременно и «е» или «о» («нема» и «німа», «цяпер» и «цепер», «мене» и «міне» и др.), кривичане выразительно сужают наднеманское «е», произнося «злітаіць» вместе «злетаець» и т.д.

Вслед за З. Доленго-Ходаковским Я. Чечёт подчеркивает и такую особенность кривичского диалекта, как «цеканье» – согласный звук «т» меняется на «ц». Если в польском и чешском языках (тихий, тяжкий и tichu, tczku, соответственно) ярко звучит «т», то у кривичей слова подобного типа произносятся “ціхі”, “цяжкі”, “цесць”, “будуць”, “робяць” и т.д.

Обобщая свои семантические наблюдения, Я. Чечёт пишет, что кривичский алфавит, если бы не было заимствованных звуков “f”, “g” и совершенно ненужное «х», произносимое аналогично польскому через “ks”, ограничился бы двадцатью одним звуком, варьирование которых происходит путем их смягчения, имеющего отношение к звукам «ц», «н», «з» (как и в польском языке).

Интересны наблюдения Я. Чечёта о частях речи. «Именительные и прилагательные имеют столько же родов и склоняются путем изменения окончаний», – пишет он. ...Однако по мере приближения к Двине и Верхнему Днепру они приобретают оттенки, подобные формам творительного падежа единственного числа, существующим в русском языке, «поскольку разговаривают уже одинаково: дзеўкою, дзеўкой, маладзіцою і маладзіцой, маткаю, маткай».

Говоря о личном местоимении «себе», Я. Чечёт отмечает, что «се» (в отличие от польского языка не ставится перед глаголом и не заменяется на «сь»), как в русском

языке) у кривичей чаще всего меняется на «ся», но встречается и «сь». К примеру, «не садзісь» вместо «не садзіся», «заседзелісь» вместо «заседзеліся».

Относительно спряжения глаголов. Я. Чечёт отмечает наличие слов, заканчивающихся на «ці» или «ць», а в обратных на «ц». К примеру: “прасьці” и “прасць”, “ткаці” и “ткаць”, “жэніцісе” и “жэніцце”. Если в наднёманском крае, где открытое «е» чаще всего отбрасывается («злетас, а не злетаець»), то у надвинцев получается “злітаіць”. Здесь уже “злітаі” не может быть. Благодаря окончанию на “ці” наблюдается близость кривичского диалекта к санскриту, имсующему глагольное окончание на “ті”.

Я. Чечёт отмечает, что приказывая и высказывая прошедшее законченное время: “папоў рабіць – rójdz robić, poszedl robić”, “пашлі тушыць – rójdz gasić i poszli gasić”. “...приказание произносят быстрее и с большим подчеркиванием последнего слога. Не знаю, есть ли больше подобные отклонения от формы: известно только, что, говоря польски, мы высказываемся по-кривичски: poszed, poszli precz, что должно обозначать: rójdz, rójdzcie precz”.

В деепричастиях нынешнего времени в кривичском диалекте окончание чаще всего бывает на «чы» (робчы, аручы, жнучы – robiąc, orząc, żnąc). Однако по-над Двиной, особенно в песнях, часто заметно окончание, подобное русскому, на «я», например, «ходзя – chodząc» вместо «ходзячы»; «седзя – siedząc» вместо «седзячы». Деепричастия прошлого времени оканчиваются на «шы» (“рабіўшы, араўшы, жаўшы – robiwszy, orawszy, żąwszy”). Причастий ни настоящего, ни прошедшего, ни будущего времени, хоть их и не сложно образовать, кажется, в употреблении нет. Лишь иногда от женщины можно услышать: «гаруюшчая, працуюшчая, бедаваўшая ўвесь век – horigąca, przącjąca, któram biedowała cale życie».

В глаголах кривичского диалекта, отмечает Я. Чечёт, возможно парное (дуальное) спряжение, когда говорят: “рóbімо, седзімо, лежымó” вместо “рóbім, седзім, лежым”. Здесь необходимо больше наблюдений.

В Лепельском повете, где очень любят «а» и выбрасывают или сужают «е», достаточно часто вместо него употребляют «ы», произнося: «цябе, мяне, дзеўчына і дзяўчына, калі і кала (kolo – предлог), соўнінька і соўнейко (sloneczko), щіраз і цераз, (przez), пáníла, вынісла (вместо пáníяла, вынесла), півá п’яная (вместо півó п’яное), муская пагукáніка (муское пагуканіко), яна і іна (ona), есь (jest), сонцэ радзіла (вместо радзіло), з велікага сіла (вместо з велікаго села), божа і божэ, ні, ня (nie), алі (ale), вісна (весна), піравоз, сьцежычка, вышываіць, стаўляіць и т.д.». И далее фольклорист подчеркивает, что и в польском языке есть много слов, которые в разных местах произносятся по-разному: “żonie, siostrze і żenie, siestrze; dziś, dzisiaj і dzisiaj; walek і walk, farbierz і farbierz, w panu і w panie и т.д.”

Сделав экскурс в становление польского письменного языка, Я. Чечёт делает вывод, что было бы «очень полезным, желательным и применительным» использовать опыт поляков «для укрепления неустойчивого сейчас (речь идет о 30–40-х годах XIX ст. – А.Р., Ю.Р.) правописания». Что же касается его собственных сборников, то Я. Чечёт признается, что он не стремился формулировать грамматические правила, а записывал «почти целиком так, как произносится». Задача будущих исследователей «обдумать какие-либо основательные правила».

Как бы обобщая, Я. Чечёт подчеркивает, что в особенностях кривичского диалекта нет ничего удивительного, если учесть, что даже письменные языки, «взятые в определенные правила», имеют отличия не только в живом, но и в печатном языке. Поэтому у кривичей, не имеющих письменных правил, и бытует «в каждом повете, ... в каждой, даже, деревне некое особенное произношение и присущие ему слова». «Кто же распространил одни и те же песни на территории всей Белоруссии?», – спрашивает фольклорист. И сам же отвечает: не книги и журналы, а память, губы и сердца братских племён».

При работе с народной песней, отмечает Я. Чечёт, важно учитывать размер стиха (например, ямб, популярный в музыке), ударение, напевность языка, разницу в содержании слов (например, *кánя* (птица *kanja*) и *каня́* (лошади) и т.п.). «И, упаси Господь, чтобы не употреблялись в песне эти самые прозаические *też, zaś, więc, by, gdyby, jest, są* и не менее плохие, если они не нужны *ten, ta, to* или что-то похожее...», – предупреждает исследователь будущих авторов. Следует иметь в виду, продолжает он далее, что «кривичским песенкам ... более присуще количество 7, 9 и 11 или также 8, 12 и 13 слогов, что однообразно идут один за другим, как более соответствующие жалобным и серьёзным тонам».

Вместе с тем, поэт не стал воссоздавать в своем переводе диссимметрическую основу народной песни с ее разнослоговыми клаузулами (заключительные слоги стихотворной строки после последнего ударного слога. – А.Р., Ю.Р.), а разделил текст на четырехстрочные строфы, строго организованные женскими рифмами второй и четвертой строк и, что важно, – четырехстопным хореем, размер которого близок к народным песенным структурам.

Продолжая работать над песенной темой, Я. Чечёт, в 1844 г., в предисловии к сборнику «Дворянские песенки из-под Немана и Двины, с приложением оригинальных на славяно-кривичском языке» (значительная часть песен взята из лепельско-придвинского края – А.Р., Ю.Р.), отметит: «Относительно самих песен могу сказать следующее: являясь их персводчиком, – не могу быть судьей, однако ощущаю в них особенную притягательность, новаторство формы и лаконизм в передаче чувств». Тем более, что местные крестьяне «по собственному вдохновению создают новые песни».

И весьма убедительными выглядят слова Я. Чечёта о том, что поэзия, называемая народной или деревенской «в давнишние времена была общей для всех наших предков; ... поэтому она достойна внимания даже и тех, кто не желает видеть хорошего в том, что является народным, крестьянским».

Заслуживает внимания следующее замечание Я. Чечёта: «Для познания кривичского языка хорошо бы послушать домашние беседы крестьян... Однако более пристойным способом изучить язык и сделать относительно его наблюдения было бы то, если бы кто-либо занялся бы слушанием преданий и их совершенно точной записью, предварительно изучив мастерство скорописи, ибо эта литература, которая осталась извечно в памяти крестьян, до сих пор еще не затронута. Это языковое богатство было бы значительно богаче, чем краткие песенки, в которых встречаются чаще всего любовные слова и нет выражений, рисующих другие чувства и представления. Скупой этот язык и нечеловеческий, бедный существительными и всеми выражениями, связанными с умственными понятиями, однако, как и каждый, он должен обязательно иметь свои особенности

и оригинальность. ... Именно те, кто имеет больше возможностей для собирания названных сказок и энергии для выполнения этой работы, могли бы не без славы и пользы заняться этой обиженной литературой, которая, как и песни, была когда-то общей для предков господ и бедных, пока предки первых, обучившись чтению на разных языках, не стали забавляться баснями, которые им рассказывают авторы повестей всяких сортов и фасонов».

Изучая устное поэтическое и музыкальное творчество, Я. Чечёт все же отдавал предпочтение лексике песен. «Это было бы сокровище языка, – писал автор, – более богатое, чем коротенькие песенки, в которых чаще всего встречаются выражения любовные и нет выражений, рисующих другие чувства и представления». Заметим и то, что Я. Чечёт намеревался и далее собирать белорусские сказки, но жалел, что «никто еще у нас их не ценит и не окажет действительной помощи», а сам он, «при плохом здоровье и подобном пренебрежении к этим плодам народной фантазии и остаткам старины, до сих пор не в состоянии заняться этим милым и полезным для отечественной литературы трудом».

Налицо классическое понимание роли устного народного творчества в формировании национального языка и литературы, художественной культуры в целом. Подобное отношение Я. Чечёта к фольклору известный русский этнограф А.Н. Пыпин оценил следующим образом: «У Чечёта мы имеем дело не с человеком какой-либо хитрой тенденции, а с искренним любителем, который знал белорусский язык и народ с детства и, восприняв в своей школе народный романтизм и человеческое отношение к народу, осуществлял сейчас это давнее настроение».

Я. Чечёт не только сожалел о том, что «кривичское племя, насчитывающее несколько миллионов населения, не имеет ничего более, помимо катехизиса, изданного недавно в Виленской епархиальной типографии (Я. Чечёт констатирует отсутствие в середине XIX ст. литературы на белорусском языке, упоминая лишь «Краткое собрание науки христианской для сельчан римско-католического вероисповедания, говорящих языком польско-русским», изданное в Вильно в 1835 г. – А.Р., Ю.Р.), но и высказывал уверенность, что настало время «отплатить за эту забывчивость прошлых веков и взяться за уложение грамматики и словаря кривичского диалекта... «Пусть другие крепче и более звучным голосом заинтересуют к уважению и собиранию крестьянских, или, по-другому, на родных повестей и поэзий». А тот, кто взял бы на себя этот труд, «заслужил бы благодарность не только нынешнего поколения, но и более определенную в будущем...»*

Если обратиться к содержательной стороне первых трех чечетовских сборников (назовем их условно – «лепельскими»), то даже в этих небольших изданиях можно постичь суть антикрепостнического и антидеспотического мышления Я. Чечёта, выступающего в тонко завуалированной форме. А по-иному ведь и не могло быть – восемь лет ссылки в Кизиле, Уфе и Твери, слабое здоровье требовали от поэта благопристойности и уважения к власти. Поэтому с обрядовыми и семейными песнями в сборниках

* Пройдет немногим более 20 лет и белорусский языковед и лексикограф, фольклорист и этнограф И.И. Носович издаст в Санкт-Петербурге разъяснительно-переводной «Словарь белорусского языка».

встречаются песни явно антикрепостнического содержания. Вот несколько слов из поживной песни:

Да ў нашага пана
Да нядобрая слава:
Па месяцу жыта жалі,
Па зорам копы клалі.
Цёмна ў полі, цёмна.
Бадай таму цямней было,
Хто да хаты не пушчае
Ды на поле нас трымае.
Да мы позна з поля йдзём
Ды прыганятага клянём.

Близки к этой песни и рассуждения Я. Чечёта об убогой жизни лепельско-докшицких крестьян, драматической судьбе деревенских детей. В составленных автором комментариях к сборнику «Деревенские песенки из-над Двины» (1840), отмечено: «Как же жалостно обычно видятся в деревнях крестьянские дети, играющие возле хат, выглядывают через маленькие окошки и охотно бегут открывать ворота заезжому!.. Немытые, нечесанные, часто в очень грязных и изношенных сорочках! Когда выйдешь с господского двора, где привлекает и впечатляет глаза белизна и жизненность цвета, – какой же контраст, какой неожиданный и ненужный переход!» И здесь же, почти в стиле будущих петрашевцев, А. Герцена, Н. Чернышевского, Я. Чечёт пишет: «Болят сердце, когда видишь, как самый многочисленный и самый трудолюбивый класс населения доведен до такой бедности...» и «ни просвещение края, ни земледелие не могут более быстрыми темпами двигаться вперед, пока не будет ликвидирована позорная, затхлая на протяжении веков и обросшая суевериями преграда – заневоленность крестьян, противоречащая законам природы, трезвому уму и даже чистым экономическим расчетам и вызывает позор в сердцах людей...».

Поскольку доброта, гуманизм и любовь владеют неодолимой силой и являются непреодолимым барьером на пути зла и разрушения, то, по Я. Чечёту, необходимо не жалеть усилий и находить побудительные мотивы, чтобы «привлечь людей ко всеобщему братству и взаимопомощи». Правда, в отличие от названных лидеров российского демократического движения. Я. Чечёт видел беду народа не в крепостническом строе, а в деревенском корчемном пьянстве. Средством к изменению общества, по его мнению, может стать лишь всеобщее просвещение и изменение нравов, обуждение в господских душах сочувствия и любви к крестьянам. Улучшение моральности – главная цель деятельности Чечёта-этнографа и Чечёта-поэта. Этим направлением творчества пронизаны и его предисловия к песенным сборникам, и тематика его произведений, с достаточно однообразным и узким диапазоном (с 29 самостоятельных стихотворений Я. Чечёта 11 осуждают пьянство, 3 – восславляют трудолюбие, 3 – религиозность и т.д. – А.Р., Ю.Р.). Отсюда в стихах – и поучительность, и менторская тональность:

Як то добра, калі мужык
Трэзвы, гаспадарны!
Для такога ў цэлым року
Жадын час не марны!
Снягі таюць, ён гародзіць
Колмі, што зімою
І навазіў, і начэсаў
Добраю парою.
Ёсць у нега і лучыва,
І дроў многа клетак;
Будзе чым варыці кашу
Ўсё лета для дзетак.
Вясна блісне – ён гной возіць,
І арэ і сее;
Косіць лугі, сенажаці,
Нім жыта даснее...

Наверное, можно понять Я. Чечёта, если вспомнить, что жил-то он не в столичных условиях, а в забытом богом крае, где и образованных-то людей в те годы насчитывалось не более нескольких сотен.

Выше мы вели разговор об изданных сборниках песен Я. Чечёта. Здесь уделим внимание одному из рукописных сборников, хранящемся в Институте литовского языка и литературы Литовской Академии наук (записи сделаны латинницей, коричневыми чернилами на дешевой желтоватой бумаге, спиной нитками – А.Р., Ю.Р.). Сборник, во-первых, интересен своим названием с детальными топографическими уточнениями: “Piosnki wieśniasze z nad Dźwiny, z okolic Lepla i z samego ź Lepla, położonego nad jeziorom obszernem i wychodzącą z niego rzeka Ułą (czasem Uljanką zwaną) i wpadającą do Dźwiny pod miastem Ułą. Część druga. Między rokiem 1836–1839 zebrane” («Песни весенние из-над Двины, окрестностей Лепеля и самого Лепеля, расположенного над озером обширным и вытекающей из него рекой Улла (часто называют «Ульянка») и впадающей в Двину под местечком Улла. В честь друга. Собран между годами 1836–1839»); во-вторых, имеющейся на титульном листе записью самого Я. Чечёта о том, что на Лепельщине это вторая часть его сбора белорусских народных песен (в этот сборник Я. Чечёт включил 188 песен, в т.ч. из самого Лепеля 33 и его окрестностей более 130); в-третьих, заметками Я. Чечёта на полях рукописи о лицах, от которых поступили записи песен, и о местах, где эти песни записывались. Рукопись свидетельствует, что Я. Чечёт собственноручно исправлял орфографию записей.

Сохранившаяся рукопись, а она, по сути своей, является описанием содержания шестого сборника песен Я. Чечёта “Piosnki wieśniacze znad Niemna i Dźwiny, niektóre przysłowia i idiotyzmy, w mowie slawiano – krewiskiej, z postrzeże niami nad nią uczynioputi” позволяет более конкретно видеть географию его собирательской деятельности на Лепельщине. Песни очень точно и довольно подробно паспортизированы Чечётом и дают возможность узнать, кто и из каких мест присылал записи. Вот их география:

- шесть свадебных песен, вошедших в 6-й сборник, записаны неизвестным корреспондентом Чечёта в Ворони и Селявах Лепельского повета;
- 32 бытовые, свадебные и детские («песни невинные исполняемые над своим ребенком») (Я. Чечёт), песни были досланы Я. Чечёту «из самого Лепеля от Казимира Штронбута». Из этих 32-х песен 8 вошло в третью книгу, одна – в шестую, а три песни опубликовались дважды. В печать попали все детские песни;
- 14 свадебных песен с описанием свадебных обрядов и обычаев Я. Чечёт получил от своих корреспондентов «из Юзефатово Покошев в Лепельском повете. При каждой песне, при этом, помещена запись, в какой момент обряда и в честь кого она исполняется («Когда ведут молодую за стол», «Когда ведут дружки в хату», «Когда дарят», «Когда молодая не плачет», «Для сироты», «Для дружков молодого» и другие). Здесь же находим обращение свата для благословения;
- еще 8 песен записаны в «Заболотье», где некогда проживал монах Михальский и которое подарено Сапегой, а потом перешло в собственность казны). Пять из числа этих песен крестинные и по одной – свадебная, купальская и жнивная. В 6-ю книжку Чечёта попало 3 крестинных, а в 3-ю – одна;
- 12 свадебных песен записаны в «Бобыничях», а одна из песен опубликована в третьей книге Я. Чечёта;
- бытовые песни (четыре) с записями от «Ленковичувны с-над Двины» и две от музыканта, «проживающего в Лепеле».

Судя по многочисленным замечаниям, пометкам и ремаркам, сделанным Я. Чечётом к большинству песен, можно сделать вывод, что весь собранный материал тщательно исследовался самим собирателем устного и музыкального народного творчества. Особенно значимо то, что Я. Чечёт обращал внимание не только на фольклористическую (как исследователь фольклора), но и на поэтическую, художественную сторону получаемых от корреспондентов произведений. Особую ценность рассматриваемого рукописного сборника составляют 114 оригинальных белорусских народных песен, не вошедших ни в один из печатных сборников Чечёта.

Г.В. Киселёв, детально изучивший рукопись Я. Чечёта, отмечает, что здесь кроме песен «лепельский этнограф» записал четыре белорусские народные сказки и 93 загадки (они почему-то отсутствуют в печатных сборниках). По-своему интересно белорусское поздравительное стихотворение с элементами народной драмы под названием «Борис».* Сам Я. Чечёт заметил, что стихотворение сложено ксендзом, бывшим униатом, и исполнялось в имени помещика Шаумана, жившем в Лепельском повете, поздравительное стихотворение с элементами народной драмы под названием «Борис» как один из образчиков белорусской литературы начала XIX века. В этой своеобразной народной интермедии в форме диалога описано поздравление крепостными крестьянами Лукой, Симоном, Борисом, Янкой, Федором, Адамом, Лукьяном и Юзефатом своего помещика с днем рождения. Написана

* Такие стихи на манер народной интермедии по случаю именин получили самое широкое распространение на Белоруссии середины XIX ст. Сам Я. Чечёт тоже сочинял подобные поздравления. Известно, например, произведение Чечёта, написанное на белорусском языке в форме диалога в честь именин Юзефа Ежовского, одного из членов Общества филоматов. Действующими лицами его являются крестьянин, тиун, войт, десятник, хор хлопцев и девчат, святой Никита.

она в стиле устных произведений народной поэзии, где широко используются фольклорные художественные средства: эпитеты, метафоры, сравнения и т.д. (Напр., Янка: «Поглад яго зязюльчышы, словы ж яго цукрованыя», «Так як і чапу снапы, усе б'юць чалам» и т.д.). В сборнике есть и авторское стихотворение Я. Чечёта, написанное на французском языке “*Za retour á la chapell*” («Возвращение к каплице»), навеянное воспоминаниями о детских и юношеских годах, несбывшихся мечтах и утерянных друзьях. По неизвестным причинам народные сказки и загадки, записанные рукой Я. Чечёта, не были напечатаны.

Сегодня очевидно, что собирательно-изучающая деятельность Я. Чечёта на Лепельщине преследовала лишь просветительские цели. Может быть в этом и есть его главная заслуга. В конце 30-х–40-х годах XIX ст. ставить иные цели для Северо-Западного края было нереальным. (История развития Беларуси – лучшее тому свидетельство. – А.Р., Ю.Р.). А поэтому, мечта Чечёта, чтобы собранные им песни были обработаны профессиональными композиторами, а потом снова вернулись в народ, была весьма реальной и перспективной (вспомним деятельность в С.-Петербурге витебского композитора А. Абрамовича. – А.Р., Ю.Р.). «Хорошо было бы, если бы крестьянские песенки, украшенные музыкой уважаемых композиторов, – писал Я. Чечёт в одном из своих комментариев к сборнику «Крестьянские песенки», – пелись чудесными голосами в поместьях и, таким образом, пробуждали более пристальное внимание к авторам этих песен, крестьянам. Однако и без этого должно обращать внимание на сословие, которое является основой всеобщего счастья». И уместным является замечание поэта и фольклориста, отдающего преимущество искусству, которое является «моральным, полезным и совестным» и которое, «воздействуя на сердца добродетельных господ» сможет впоследствии «содействовать общему прогрессу наших трудолюбивых соотечественников в сфере морали».

И его мечта сбылась: «Станислав Монюшко, высоко ценивший подвижническую деятельность Я. Чечёта, вскоре написал чудесную музыку на слова 19 народных песен из его сборников. Многоплановая фольклористическая деятельность Я. Чечёта в Лепельско-Докшицкой части Витебского Поозерья (сбор устного народного творчества, заимствование из него, перевод на польский язык, а иногда и стилизация) по-разному оценивалась литературно-критической мыслью того времени. Не анализируя все оценки, мы обратим внимание читателей лишь на высказывание широко известного в 40-е годы XIX ст. критика М. Грабовского в статье “*Jeczsze o poezji gminnej*” («Ещё о народной поэзии»), напечатанной в журнале “*Tygodnik Petersburski*” («Еженедельник Петербургский», 1840, № 14): «Его (Чечёта) «Крестьянские песенки из-над Двинь» (в статье напечатано из-над Нёмана. – А.Р., Ю.Р.) являются только точным и внимательным переводом первоначальных произведений народного искусства, безо всякого своеволия, безо всяких приложений, а только с очищением от пороков и наслоений, набранных от долгого хождения по простым устам и грубым рукам крестьянства. Может быть так, что в обработке современного поэта получается более совершенное произведение, чем то, что возникло первоначально из вдохновения народного гения, но гений этот выявляется здесь ясно в своей сущности, в своем натуральном обличье, в простых, натуральных, произвольных движениях, так что видно, что дух этого юношеского мира открылся современному художнику в исключительной красоте своей природы; без пороков и недостатков, которые не в нем, а при нем условно были. Снова доказательство, что зрелое искусство может в некоторых случаях совершенствовать искусство вдохновения. Такая обработка

народных произведений, естественно, может иметь соответствующее место в литературе; ценностно еще и то, что поэзия эта из разных провинциальных говоров возведена к национальному языку».

Можно без преувеличения утверждать, что своими сборниками народных песен Я. Чечёт настолько пополнил богатейшую сокровищницу устного народно-поэтического творчества белорусов, что его с полным основанием можно считать зачинателем не только белорусской фольклористики, но и новой национальной литературы. С другой стороны, «Предисловием к сборнику народных песен 1846 г.», Я. Чечёт впервые в истории белорусской письменности подчеркнул своеобразие кривичского диалекта, показал его отличие от польского и русского, к которому кривичане значительно ближе, обосновал целесообразность и необходимость его изучения и создания соответствующих учебников и словарей, особенно необходимых для изучения духовной культуры народа. По сути, его лепельские, а затем и новогрудские наблюдения можно с полным основанием считать началом национальной белорусской лексикографии и грамматики.

«Гродненско-витебский» Я. Чечёт – и до ссылки, и на Березинском канале, и на Новогрудчине – человек, постигший историчность белорусов, понявший их роль в общественной жизни XV–XIX стст. и, однозначно уверенный в том, что они имеют право на достойное место в развитом славянском культурном сообществе.

Свои рассуждения о творчестве Я. Чечёта завершим словами Антона Одинца (в переводе М. Танка), высеченными на погребальном памятнике Я. Чечёту:

Сваю маладосць прысвяціў ён навукам і цноце,
 Век сталы ён мужна пражыў у няспынных цярпеннях.
 Любоў да сяброў і да бога – істоты яго была зместам.
 Цяжкое жыццё яго ўсё – да збавення дарогай.
 Імя яго злучана будзе навекі ў айчыне
 З Адамам Міцкевічам і Томашам Занам.
 Хто ведае іх, перад каменем гэтым схіліся,
 Падумай, уздыхні і за ўсіх, траіх, памаліся.

Наше же исследование предлагаем читателю воспринимать, как дань уважения известному (на Гродненщине) и менее известному в Подвинском крае белорусскому подвижнику Я. Чечёту, для которого письменность, образованность и духовное развитие белорусов стали реальным делом его жизни.

Л и т е р а т у р а

1. *Чачот Я.* Прадмова да зборніка народных песень 1846 г. У кн. «Пачынальнікі». – Мн., 2003.
2. *Цвірка К.* Той курган векавечны. – Мн., 1985.
3. *Пытин А.Н.* История русской этнографии. – СПб, 1890–1892.
4. *Малаш Л.А.* Ян Чечёт и его рукописные сборники. У кн.: Материалы научной конференции (к сорокалетию библиотеки). Минск, 1965. – С. 120–121.